

ВВЕДЕНИЕ

Начало XX века было отмечено важными событиями: революции, войны, массовые волнения, голод затронули каждую семью в России. Исключением не стала и удивительная семья Аладжаловых, которые застали Первую мировую в Петрограде, 1917-й год – в Одессе, и более того, в процессе этих событий поменяли свои политические убеждения. Еще не подозревая, что являются очевидцами смены эпох, они описывают свою жизнь, свои переживания, свои наблюдения в письмах.

Главным героем, центральной фигурой переписки, предстает отец семейства – **Александр Иоахимович Аладжалов** (1873-1963). По свидетельствам своих близких, он был замечательным и умным человеком, никогда не теряющим бодрости духа. Выходец из армянской семьи, рано потерявший отца, он серьезно отнесся к учебе и службе: окончил Петербургское Коммерческое училище в 1891 году и пошел по стопам своего родителя, устроившись бухгалтером в Государственный банк. В 1897 году женился на Елизавете Ивановне Васильевой – замечательной женщине с твёрдым характером, с швейцарскими корнями, дочери богатого купца, которая стала строгой хозяйкой и любящей матерью для четверых детей – Нины, Серёжи, Юры и Ивашки.

В 1908 году Александр Иоахимович поступил в Петербургский университет на юридический факультет и после окончания в 1912 году занялся адвокатской практикой. Он по-настоящему болел общественной деятельностью и интересовался политикой. Так, Аладжалов оказался в Конституционно-демократической партии. В обществе уже витал запах свободы и демократии, бесконечные разговоры о Думе, конституции, народной власти, царствовала атмосфера грядущих перемен. Александр Иоахимович активно участвовал в деятельности кадетов и даже работал с лидерами партии – Милюковым и Шингаревым. Он не оставался незамеченным и другими политиками: «[...] тётя Доря познакомилась с мужем и женой Гронскими [...] оказался членом Думы, кадет. [...] он спросил, не кадет ли папа, потому что слышал папу на кадетской конференции», – пишет в своем письме сын Александра Иоахимовича, Серёжа. Но партия кадетов не удовлетворяла в полной мере Аладжалова – «он всё время чувствовал себя в этом обществе чужаком»¹.

Всё меняется с началом Первой мировой войны. 27 июля 1914 года Александра Иоахимовича призывают на фронт. Прапорщиком он воевал в Галиции и столкнулся на поле боя с австрийцами, о чем подробно пишет в своих письмах семье в конце сентября. Ему пришлось пройти через страх и голод, обстрелы и картечь, через смерть ротных товарищей и милость к раненому противнику. Но через семь месяцев был ранен, получил георгиевский крест за храбрость и был назначен военной комиссией в Одессу. Вместе с ним туда приехала его семья из Петрограда, оставив в столице только дочь Нину с тётёй.

---

¹ Канский Ю.Р. Возвращение к истокам. С. 169.

Вспоминая ужасы войны, страдая от неудовлетворенности адвокатской службой в Одессе, Александр Иоакимович встает на путь к большевизму и, несмотря на сопротивление со стороны близких, в 1917 году вступает в большевистскую партию: «Я демократ и большевик, потому что не могу по складу своей психики быть аристократом, и потому я большевик, что считаю, что ум не дается образованием, что простой народ не хочет наставников, и от тех, кто с ним, требует уважения к себе»².

«Сшибать с папы большевизм» решила его дочь. **Нина Александровна Аладжалова** (1899-1995) – талантливая и умная девочка, любимица семьи, которая отзывчиво помогала братьям и родителям. Когда все отправились к отцу в Одессу, она осталась в Петрограде доучиваться в Выборгском Восьмиклассном Коммерческом Училище в Финском переулке. Учеба давалась ей легко, и через несколько лет, уже при советской власти, она поступила в Московский университет на химический факультет и оставалась верной естественной науке до конца жизни. Но в 1917 году перед ней стоял вопрос не только о выборе «между естественной историей и философией», но и вопрос о политических воззрениях отца.

«У тебя очень храбрые намерения сшибать с папы большевизм, только я думаю – это невозможно, какие бы ты ни привела ему доводы. Наши мнения меняются постепенно, эволюционным порядком, а революции в них случаются реже, чем в государствах», – пишет Нине дядя, Сергей Иоакимович Аладжалов. 17 августа 1917 года Нина уверенно едет в Одессу к родителям, но вслед за отцом постепенно «краснеет» сама и уже через два года вступает в партию большевиков и участвует в агитационной деятельности. С тех пор выбор был сделан: Нина стала фанатичным коммунистом и придерживалась своих убеждений всю жизнь.

Под большевистское влияние попал и старший сын Александра Иоакимовича – Серёжа (1901-1919). В представленном собрании писем он является, пожалуй, самым частым адресантом. Он поддерживал теплые отношения со всеми членами семьи и искренне описывал все свои наблюдения в Крыму, Петрограде и Одессе, много читал и непременно делился впечатлениями с отцом, тётёй Дорей и сестрой Ниной. Интересовался политикой: «Вчера ездил в общеученический союз, записался. Был на заседании просветительной секции, там разбирался вопрос: как устраивать самообразовательн[ые] кружки [...] Третьего дня тоже был на лекции одного профессора о Суверенитете Народа, Учредительн[ом] Собрании и системе выборов в него. И понравилось. Теперь не скучновато». В августе 1919 года Одессу захватила белая добровольческая армия Деникина, при отступлении Серёжа пропал без вести и, вероятно, погиб, что стало большой трагедией для всей семьи.

Немаловажной в этом семейном сюжете линией является семья младшего брата Александра Иоакимовича – **Сергея Иоакимовича Аладжалова** (1875-1921). В отличие от брата он не пошел по стопам отца, а избрал карьеру инженера. В 1894 году он поступил в Институт путей сообщения и с тех пор связал свою жизнь с железными

---

² Там же. С. 170-171.

дорогами. В 1901 году женился на Марии Иосифовне Роговской, дочери знатного польского дворянина. С марта 1902 года служил на Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, с 1905 года стал начальником службы пути в Оредеж. Неподалеку от дороги Сергею Иоахимовичу выделили участок земли в Вырице-3. Именно тут была построена дача Теремок – центр притяжения всей семьи, где отдыхали дети братьев Аладжаловых и играли в индейцев: «У нас четыре типи, луки и стрелы, мы курим трубку мира, главный вождь у нас Нина или Высокая Сосна», – пишет Серёжа из Вырицы. В семье Сергея Иоахимовича было четверо детей: Шурик, Лена, Юрик и Соня. Ребята росли в атмосфере свободы и творчества. Художественный талант отца передан Лене, которая впоследствии сделала рисование своей профессией и закончила Академию художеств³.

В 1914 году Сергея Иоахимовича призывают на фронт: Хельсинки, Рихимяки, Лахти, Пярну, Рига... В составе пехотного полка он прошел почти всю войну до декабря 1917 года, отправляя из Прибалтики трогательные рисунки и письма своим детям. Всё это время семья оставалась в Званке и страдала от голода: Мария Иосифовна писала племяннице Нине в Одессу с просьбой прислать муки, но посылки с юга редко доходили до адресата. После революции история закончилась трагически в Петрограде: Мария Иосифовна покончила с собой, а Сергей Иоахимович умер от голода в 1921 году.

Переписка семей братьев Аладжаловых затрагивает один из самых тяжелых периодов в истории России: с 1913 года – ещё спокойных дней в Крыму в преддверии Первой мировой войны – до 1918 года – послереволюционного времени, когда в Одессу вот-вот войдут войска Деникина.

Главными участниками переписки стали Александр Иоахимович, его жена Елизавета Ивановна, дети – Серёжа и Нина, их тётя Доря; с другой стороны – Сергей Иоахимович и Мария Иосифовна. Письма охватывают территорию от Крыма до Петрограда, от Вырицы до Галиции, от Званки до Одессы.

Письма, опубликованные ниже, являются не столько отдельным сюжетом отдельной семьи, сколько документом эпохи, «срезом», по которому можно судить о жизни петроградских интеллигентов в период «тектонических сдвигов» в истории России. Упомянутые элементы повседневности, обширный список литературы, которую читают подростки, темы обсуждений среди сомневающейся в своем политическом выборе молодежи – всё это неоценимый материал для исследователя культуры. Более того, на примере этих писем можно проследить, как распространялись революционные идеи большевизма и как к ним приходили обыватели.

---

³ О жизни и творческом пути Елены Сергеевны Аладжаловой – <http://biographycentre.org/elena-sergeevna-aladzhhalova>

Текст печатается по письмам из личного архива Ю.Р. Канского, внука Сергея Иоакимовича Аладжалова. Письма публикуются в хронологическом порядке. Текст приведён к современным орфографическим и пунктуационным нормам русского языка.

Дарья Крушинская,
Институт Философии СПбГУ,
Санкт-Петербург, 2019

Без даты⁴, [Вырица⁵]

Милая тетя Лиля⁶, мы играем в индейцев, у нас есть четыре типа⁷, луки и стрелы, мы курим трубку мира, главный вождь у нас Нина или Высокая Сосна, она созывает совет, мы голосуем давать перо или не давать кому-нибудь за его подвиг. Я Соколиный Глаз, у меня два пера одно за то что я перепрыгнул канаву шириной в четыре моих шага, а другое за то что сломал дерево в три дюйма в поперечнике. Иван – Настоящая Сова, Шурик⁸ – Жгучая Крапива, Таня Григорьева⁹ – Соколиный Коготь, Наташа¹⁰ – Великий Буйвол, Валя Гельмбольдт¹¹ – Голубой Колокольчик, Юрик¹² – Длинноухий Заяц, Валя¹³ – Хитрая Лиса, это наш знакомый мальчик.

Сереза.

7 апреля [1913 г., Крым – Петербург]

Милые [...], нам не удалось нигде побывать, вот уже который день то дождь идет, а времени если и перестает, то того и гляди снова пойдет, а уже о солнце и думать не моги. Холодно, сегодня сижу в фуфайке. Много читаю. Первые дни когда была хорошая погода болело горло, из-за него никуда не ходили, теперь прошло, сделалась такая погода – ужасно досадно. Когда лежали на пароходе, тетя Доря¹⁴ познакомилась с мужем и женой Гронскими [...] оказался членом Думы – кадет. Выбран, должно быть, от Тверской губ[ернии]. Потому что говорит, что там у них имения. Когда тетя Доря давала ему наш петербургский адрес, сказала, что квартира [...] он спросил, не кадет ли папа, потому что слышал папу на кадетской конференции. Я прочитал «Спартака» и «Путешествия капитана Гатераса» Жюль Верна, это путешествие на север к полюсу (Описано как-то не по-настоящему, фантастического много. Совсем не то описание

---

⁴ Вероятно, до 1913 г.

⁵ В Вырице-3 находилась дача Сергея Иоакимовича Аладжалова, названная в семье Теремком за визуальное сходство с теремом, где проводили время дети Сергея Иоакимовича и его брата Александра Иоакимовича.

⁶ Лиля – Елизавета Иоакимовна Орбели, сестра Александра и Сергея Аладжаловых, тетя Серёжи.

⁷ Типы – Традиционной переносное жилище североамериканских индейцев.

⁸ Шурик – Александр Сергеевич Аладжалов, старший сын С.И. Аладжалова.

⁹ Не удалось установить.

¹⁰ Не удалось установить.

¹¹ Не удалось установить.

¹² Юрик – Юрий Сергеевич Аладжалов, младший сын С.И. Аладжалова.

¹³ Не удалось установить.

¹⁴ Доря – Дарья Ивановна Васильева, сестра Елизаветы Ивановны Васильевой, тетя Серёжи и других детей А.И. Аладжалова.

путешествия Нансена, то много очень понравилось). Мне не очень понравилось, даже порядочно скучно.

8 апреля [1913 г., Крым – Петербург]

Ужасно трудно учить латинский урок без словаря с одного раза: как учитель скажет – не запомнишь, ну теперь и не знаешь, как фразу перевести. Сегодня наконец дождя не было, ездили за Синоп по берегу моря к старинной стене, говорят даже, что она через весь хребет тянулась, я вылез на нее, хотел походить, да там заросли и крапива, и лианы всякие, так и пришлось слезть вниз. Потом ездили к Венецианскому мосту, там очень красиво, ущелье, в ущелье – ручей, горы такие красивые, и сам мост понравился, он такой странный, построен без цемента, аркой весь оброс, обвит зеленью крутой и тонкий, даже удивительно, как он, такой тонкий, без цемента держится. Извозчик, когда мы подъезжали к мосту, сказал, что это вечный мост. Тут очень интересно, что арбы возят буйволов, я уже в первый раз вижу. Очень интересный здесь народ, эти горцы, ужасно мстительный, вот недавно в субботу 5 апр[еля] подстрелили одного богатого лавочника, говорят, в лавке на виду у всех. Говорят, пришел в лавку, дал купцу записку, пока тот читал, взял и выстрелил, и ранил. После выстрела все так опешили и растерялись, что этот молодец успел удрать, и его до сих пор не нашли.

В Мюссеру¹⁵ не поедем – времени не хватит. Получили Нинину открытку и Юрикову картинку. Из деревьев тут пальмы одного какого-то сорта, они тут везде по садам, а в ботаническом саду я видел финиковые, прямо в грунту без каток и оранжереи. В саду у Марецких¹⁶ растет очень интересное дерево, листья которого состоят из сросшихся между собой игл. Ездить за город было очень хорошо после дождя, потому что пыли не было. Здесь в Гаграх живет принц Ольденбургский, про него рассказывают, что он большой чудак. Раз принц захотел вывести в Гаграх змей, для этого он вывез змей из Америки, в надежде что Американские змеи уничтожат Кавказских, но из этого ничего не вышло: змей стало гораздо больше. Потом онъ выписал слона, выстроил для него помещение, выкрасил краской, краска еще не засохла – [стал] лизать ее и лизал, лизал и издох. В Гаграх очень открытая бухта, и во время бури фелюги не могут подъехать к пароходу, но принцу надо было обязательно заставить кого-нибудь поехать к пароходу. Заставил, поехали и потонули. Поздно, мне надо идти спать.

Пишите. Сережа

---

¹⁵ Мюссера – посёлок в Абхазии.

¹⁶ Владельцы частного ботанического сада в Ялте.

29 сентября [1913 г., Крым – Петербург]

Милый Папа, сегодня ночью у нас вдруг задул страшно сильный ветер с гор. У нас были открыты окна, и дверь на балкончике не была заставлена. Мама проснулась, бегала в одной рубашке по всей квартире, всё закрывала и заставляла. Я думаю, страшно устала. Последнее время она каждую ночь просыпалась несколько раз из-за Юрика, у которого было расстройство желудка. К тому же у меня ещё болели ноги, и мама всё беспокоится, что у меня, думаем, растяжение или ревматизм. По-моему, мама порядочно-таки издергалась. У нас сегодня очень холодно после ночного ветра, все говорят, что пока не пройдет нога, я не должен много двигаться, а мне сегодня очень холодно не двигаться, поэтому я одел фуфайку, а не пальто. Но теперь все-таки значительно лучше, я могу ее разгибать в колене. Мама прямо говорит, что я вру про нее, но, по-моему, это так. Мы только что стали получать газеты с делом Бейлиса¹⁷, и всю ночь говорят об этом. У нас много шампиньонов, недавно у нас был соус из них, а вот что к чему рассказывала Лидии Владимировне г-жа Келлер¹⁸: какая-то партия [...] купила себе мяса в [название лавки], набрала себе этих самых грибов, сделала себе суп из них, наелась, и вдруг одному за другим людям стало дурно, некоторые даже в обморок упали. Я этим людям вызвал врача, но когда врач притопал, никого из этих людей не было, значит, все ушли, мама теперь боится, что ни она, ни мы не знаем хорошо шампиньонов и чтобы мы не набирали таких грибов, Г-жа Келлер еще рассказывала, что при вчерашнем (он начался со вчера, но не с такой силой, как ночью) ветер с гор, турки [...] с завода к 6-ти наловому катеру не могли вернуться назад, за ними посла[ли] другую лодку, но и та не могла из-за ветра вернуться, но ночью их, к счастью, снял с лодки пароход русского или российского общества, а лодки на другой день подобрала «Одесса». Не правда ли, я растянул все письмо, но я не могу иначе, потому что мне кажется, что будет непонятно. Милый папа, нас страшно обрадовала посылка (Иван, Лука и Сережа да [...]), мне очень нравится Август.

[Осень 1913 г., Крым – Петербург]¹⁹

Иван, когда мама делала ему вливание в ухо, взял себе блюдце из-под , чтобы собирать свои слезы.

Нож, который вы прислали, единогласно присудили мне, потому что и у Ивана есть (в Ялте куплен), и у Юрика есть, а у меня нет. Согнутые гвозди имели огромный успех.

---

¹⁷ Дело Бейлиса – громкий судебный процесс по обвинению еврея М.М. Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего Андрея Ющинского 12 марта 1911 года. Оправдательный приговор был вынесен 28 октября 1913 года.

¹⁸ Не удалось установить.

¹⁹ Начало письма не сохранилось.

Пароход клеится Лупой²⁰ с большим терпением. Когда пришла повторка, что Ивану посылка без цены, я, когда засыпал, думал о ней, и мне казалось, что, раз она без цены, непременно должна потеряться.

Сережа

P.S. Я очень хочу в Петербург.

[Приписка Елизаветы Ивановны Васильевой]

Получила твое письмо про Петергофский дом.

Петергофский дом приводит меня в отчаяние. Нельзя придумать более неподходящего для нас дела. Нельзя ли просто плюнуть на него, если не сейчас, то в ближайшем будущем. Я, кажется, не выдержу и буду очень холодна с Анной Семеновной²¹, досадно, что она так мало жалеет тебя. Защищать надо как можно чаще.

За кадетские дела надо приниматься неотложно. Сейчас я прочла Сереже всё, кроме абзаца об Анне Семеновне. Находит, что я пишу уж очень резко. Мы с ним живем дружно. Вчера наливали спирт, так как тампоны слегка присохли. Сережа меряет три раза в день температуру. Если он пойдет посоветоваться в среду (сегодня воскресенье) с доктором, который будет у Маперовны²².

На растяжение как будто не похоже. Как будто скорее на ревматизм. Лад. Влад.²³ говорит, что такие ревматические боли бывают после ангины, обыкновенно через три недели. 12 августа одна дама болела. Помните? У Лад. Влад. Этой дамы был ревматизм, и доктор сказал, что это ангинный яд. Три недели перед этим была ангина. Из-за болей в ноге прекратил купаться. Сегодня вечером я сводила его с отдыхом к морю. Как все это ни трудно, но на это сил не жаль – не то, что твой дом. Обратись к комиссионеру и продай. Надо придумать что-нибудь. Худо, что прошли километров 10 домой. Милый, очень хочется домой. Здорова ли Ниночка? А вот Юрик спрашивает, отчего нельзя остаться здесь всю зиму.

---

²⁰ Лупа – Юра, брат Серёжи.

²¹ Анна Семеновна – мать Александра Иоакимовича Аладжалова.

²² Не удалось установить.

²³ Не удалось установить.

20 сентября [1914 г., послано 27 сентября, Галиция – Петроград]

Милые²⁴!

Описание моих сражений.

23 августа к концу дня, после обычного большого перехода, мы узнали, что близко противник (о близости его говорило и то, что мы увидели убитого австрийца. Лежало что-то черное и красное(кавалерист) недалеко от дороги, и мы шли мимо, как будто ничего не случилось. Но чувствовалось присутствие этого первого очень сильно – может быть, потому, что он лежал не очень близко, и нельзя было сразу вполне освоиться). Меня, как обнаружившего большую храбрость и любовь к производству маленьких независимых сопряженных с опасностью операций (получили ли вы письмо о перерезке телефонных и телеграфных проводов от ломания железной дороги?), отправили, в то время как батальон оставался в глубокой лощине, на гору посмотреть, нет ли там и не виден ли оттуда неприятель. Я там ничего не увидел, но услышал выстрелы с противоположной стороны. Когда я вернулся к роте, батальон мой уже рассыпался в цепи и цепями, одна рота за другой, бежал в сторону выстрелов. Только что я догнал свою роту и вступил в командование своей второй полуротой – прилетела первая пуля. Они делают так: «Зю» – не протяжно, коротко. Мы выбежали на горку и уже под пулями бежали с нее вниз, бросаясь на землю всем телом время от времени, чтобы отдохнуть и не дать «им» хорошо прицелиться. Стараешься выбрать спереди какую-нибудь кочку или хоть ком земли – прикрыть голову, стараешься всем телом прилипнуть, распластаться на земле, чтобы как можно меньше выдавалось кверху. Поворачиваешь то щеку, то нос к самой земле. В одну из таких перебежек пошел проливной дождь, промочил насквозь – было ужасно холодно, но я не пошевелился – было странно, что не принимаю никаких мер против такого дождя. Потом чем ближе к «ним» тем быстрее бежишь, меньше остановки – стало жарко, не заметил, как стал сухой. Бежим. Вдруг негромкий вой: «ой ой ой убили – меня, меня, братцы, убили...», - упал солдатик и с недоумением смотрит, окружили и остановились другие и тоже смотрят на меня с недоумением, именно недоумение выражалось определенно у них на лицах. Мы все, конечно, этого ждали всё время всеми думами своими, но когда реально представилось, их слабыми душами овладело недоумение, но я, суровый, прикрикнул на них: не останавливаться, бегите, санитары подберут – и побежали дальше. Дальше пробежали мимо кучки в серой шинели, из которой уже не было голоса. Но на нашу долю в этот день все-таки пришлось очень немного. Австрийцы очень скоро отступили, бросили обоз, который прикрывали. Мы уже хотели броситься к этому обозу, чтобы как следует из него попользоваться, но к величайшей нашей досаде, нас быстро угнали, удалось захватить только 5 повозок, а остальное бросили. В повозках этих были их

---

²⁴ Письмо от Александра Иоакимовича Аладжалова с фронта своей семье.

сухари – безвкусные белые альберты²⁵, кофе в таблетках – развести в кипятке и выходит сладкий черный кофе, шоколад - на следующее утро я заботливый полуротный командир раздавал солдатам по два альберта и по таблетке – они ели не разводя, и ничего себе не оставил. Другие офицеры запаслись, и ничего не дали солдатам: они считают, что нет ничего вреднее и опаснее как любезничать-миндальничать с солдатами. Австрийцев в этот раз было очень мало – один батальон, а нас два полка, поэтому они так скоро убежали, но батальон этот был один из самых лучших из их войска – тирольские стрелки, батальон Франца Иосифа – и они оказали очень все-таки упорное сопротивление. Был такой случай: пять-шесть тирольцев очутились между двумя ротами наших двух полков и стреляли в обе стороны безостановочно, а наши не могли стрелять, потому что попадали бы в своих с противоположной стороны . Произошло замешательство, а те все стреляют и стреляют, бросились в штыки на них – они все стреляют – добежали – и тут не сдаются, и первому подбежавшему распорол своим штыком живот (у них штык не такой, как у нас, а с ножом). Наши солдаты остервенились и, хотя некоторые из них стали тут просить о пощаде, всех перебили – втыкали по несколько штыков, но всего этого я не видел – рассказывали соседи по ротам и из другого полка, т.ч. должно быть верно. Непременно каждый рассказ нужно проверять с разных независимых сторон – а то врут до невероятной степени. Когда мы кончили, была уже ночь. Мы стояли около деревни, солдаты разбили пасеку (ночью, оказывается , можно не бояться пчел) и дали мне меду, и этот мед был первой моей едой в этот день. Я накинулся на него, а в нем оказалась пчела, и она ужалила меня за губу – было очень больно, но я все-таки съел мед. Затем нас погнали дальше, мы должны были сделать переход, положенный нам с утра. Я помню, что устал ужасно, ужасно трудно было идти, а как ночевали – никак не могу вспомнить. А на следующее утро перешли границу домой, в Россию. Очень было всем приятно, как будто немножко домой вернулись, все не могли дождаться, когда же граница. И когда пошли по русской земле, подошвами старались это почувствовать, мы, обреченные идти туда, где нас непременно убьют, совершенно отрезанные от вас и всего мира, не знающие, что происходит у вас и везде, и во всем мире, вернулись в Россию – родную. Ты не удивляешься от меня таким рассуждениям? (27 сентября) Шли по полю недавнего сражения. Лежали по канавам груды расстрелянных патронов, стояли и лежали поломанные передки и зарядные ящики от наших пушек, завоеванных австрийцам; лежали всюду обломки и обрывки мундиров, ранцев - все сколько-нибудь годное разбирается окрестными жителями. Чем дальше мы подвигались, тем больше и свежее были эти следы, попадались даже трупы людей и лошадей, но никаких признаков присутствия «его», кроме отдаленной пушечной пальбы, к которой мы уже привыкли. Так прошли весь день – верст 25 – не ели и не пили. Часам к 5-6 подошли к деревне, лежащей в ложбинке, здесь должны были ночевать. Только что мы вошли в деревню и в ожидании возвращения солдат, посланных разыскать подходящие хаты и сараи для

---

²⁵ Вид бисквитного печенья

солдат и для нас, стояли посреди деревенской площади австрийцы, со всех сторон начали нас обсыпать пулями и шрапнелью. Крик, суматоха, беготня, растерянность. Сразу пропал весь порядок, и я с кучкой солдат из своей роты и соседних спрятался за углом хаты, где было не так жарко. Я сначала не хотел жаться за хатой, но, простояв несколько секунд под пулями, решил, что глупо, и прижался тоже. Так простояли за хатой несколько минут и немножко очухались от неожиданности. Начальство тоже пришло в себя: к нам прибежал батальонный командир и прогнал из-за хаты, и велел рассыпаться цепью между хатами и по огородам. Рассыпались и побежали. Между хатами и заборами потеряли последний порядок. Я сначала бежал с ротой, потом, не видя около себя ротного командира, уже бежал впереди совершенно независимо от всякого начальства. Бежал в ту сторону, откуда, казалось, летели пули. Как только выбежали, стали кричать «ура», а я орал во всю мочь, чтобы собрать около себя остатки растерявшейся моей тринадцатой роты и чтобы заставить солдат бежать вперед. Несколько, человек пять-десять солдат все время, чуть я остановлюсь в какой-нибудь канаве передохнуть, начинали кричать «ура» с удвоенной силой и опережали меня. Некоторые из них были не то что храбрые, а какие-то отчаянные – сам черт не брат и на все наплевать – другие ошалели от страха, но, во всяком случае, бегут и перегоняют. Я не хотел, чтобы меня перегоняли, и бежал наравне с ними. Выбежали из деревни и бежали уже по полю. Так как дело было уже к вечеру, то придя в деревню, я надел шинель. Не успел снять, и бежать пришлось в ней. Выбился из сил совершенно, вспотел отчаянно, а солдаты все кричат и бегут вперед. Когда мы забежали уже порядочно от деревни, в одну из остановок я посмотрел назад и увидел позади себя еще одного офицера с десятком солдат и больше никого. Оглянулся на своих – у меня человек пять. Тогда я обратился к этому офицеру и говорю: бежать дальше, по-моему, не надо, что нас очень мало для атаки и что я выбился из сил. Он не ответил ничего и помчался дальше. К нему присоединилось несколько моих солдат, а я остался вдвоем с одним солдатиком лежать на том месте, где мы с ним расстались. Его нашли потом убитым.

Остановиться мне пришлось на совершенно открытом, гладком месте на гороховом поле. Горох был уже сжат, и передо мной стояла небольшая копна сжатого гороха – мы вдвоем за ней едва помещались, и она, конечно, несколько не защищала нас от пуль, а только несколько скрывала. Пули свистели непрерывно, шлепались около нас, шевелили наш горох. И в таком положении я пролежал минут 20-30, по крайней мере, потому что когда мы прибежали, был еще совсем день, а когда следующая цепь дошла до нас, зашла уже луна и стало темно. Мой солдатик сначала хотел бежать догонять убежавших вперед, потом говорит, полежавши: «Ваше благородие, пойдемте назад». Я говорю: «Лежи, так самое безопасное и лучшее, если прибежит следующая цепь, мы отдохнем и присоединимся к ней, если не прибежит, дождемся ночи и тогда уйдем». Лег на спину и отдыхал. Сначала раскинул руки, чтобы лучше отдышаться, но потом, сообразив, что надо представлять из себя мишень по возможности узенькую,

подобрался и сузился как мог. Я уже подумывал, что можно бы встать и ретироваться, когда увидел, что приближается новая цепь с моим ротным командиром во главе. Встали и побежали с ним. При свете луны и остатков заката еще можно было видеть людей, но уже нельзя было учитывать заранее издали неровности местности. Увидя приближающуюся новую цепь, австрийцы усилили огонь и ротный командир, не видя перед собой никакого прикрытия, хотел уже отойти назад, но я (не знаю, какой черт меня толкнул) ему сказал: «Пойдемте дальше, попробуем-ка еще раз». Побежали дальше. Так как местности не было видно, то следующую перебежку остановили на месте еще худшем – близко от «них» и на склоне горки (были как на ладони) – только от того, что ночью невозможно целиться, нас не перебили. Но стреляли изо всех сил. Слава богу, мы здесь полежали недолго, побежали дальше и через несколько шагов наткнулись на глубокую выемку дороги: здесь мы были пока в безопасности. Но когда мы приблизились к противоположному краю этой выемки и выглянули из нее, мы увидели «их» шагах в пятнадцати-двадцати до нас, совсем близко силуэтами на небе, наши головы тоже вырисовывались на небе. Можно было стрелять без всякого прицела, почти в упор. И действительно, только что мы высунулись, они опять засыпали нас пулями. Около меня был убит взводный командир моей полуроты – подпрапорщик. Он стоял со мной локоть о локоть, и я услышал, что он совсем слегка всхрипнул или даже только выдохнул и мягко опустил на землю. Я подумал, что он так легко ранен, что даже не стонет, нагнулся и увидел лицо в крови и вывернутый глаз, смотрящий так странно в сторону. Днем на следующий день мы увидели, что пуля попала ему в переносицу. Он умер, не успев вскрикнуть. Но наше положение в нашей глубокой канаве было все-таки гораздо лучше австрийского. Они лежали все на виду, и мы захотели взять их в плен. Я начал с ними по немецки: *Die Waffen nieder, kommen Sie uns*²⁶ - молчат и стреляют. Мои солдаты тоже. Тогда я попробовал по-русски: «Кто вы такие? русины?» Отвечают: «Мы поляки». Тогда мы кричим, чтобы бросили ружья и поодиночке переходили бы к нам.

Нашелся поляк у нас – кричал это самое по-польски. Как будто подымались идти, но сбоку, из-за скирды хлеба, как только переговоры идут на лад (должно быть, там был их офицер), стреляют, и мои моментально начинают отвечать, и я не могу их остановить – совершенно не слушаются: так взволнованы, что не слышат моих приказаний, перекрикивают: «Ваше благородие, они стреляют; Ваше благородие, они идут сзади! Ваше благородие, надо пройти дальше, ближе», – советуют, кричат, и нет возможности их остановить. И, как только наши переговоры начинают идти как будто на лад, черти снова начинают стрелять и, было поднявшийся, чтобы идти к нам австриец, останавливается и тоже начинает стрелять. И я не выдержал, разозлился и начал бить своих солдат кулаками по морде изо всех сил. Я спокоен, что это было совершенно необходимо – иначе нельзя было привести их в чувство. И они поняли, что

---

²⁶ Пер. с нем.: Опустите оружие, идите к нам.

это было необходимо и заслуженно, и не рассердились на меня, и наши отношения нисколько не испортились. Напротив. Раньше я на них не производил внушительного впечатления. Они посмеивались над моим с ними церемонным обращением, над моим совершенным незнанием службы. А теперь, после боев, они почувствовали себя в руках сильного человека, конечно, не только из-за битья, а все мое поведение в бою как сильного человека давало на это битье мне право, и битье такого сильного человека было уже не оскорблением. Но битье не помогло в эту ночь, и уважение ко мне еще не окончательно выросло, и когда один мерзавец убил австрийца в упор, уже было подошедшего к нам без ружья, мы плюнули на переговоры и ушли вдоль нашей выемки к деревне, куда прибежавший ординарец передал нам приказание всем стянуться. Но мы немного задержались с нашими переговорами, и когда мы ушли из выемки на поле, из деревни нашей вообразили, что это австрийцы, и начали стрелять по нам залпом. Мы убежали назад в выемку на старое место и увидели, что и австрийцы продолжают лежать на старом месте. Тут начали было с ними снова переговоры, которые по-прежнему ни к чему не приводили. Одному солдату это надоело, и он вызвался сам пойти к австрийцам и привести их. Я не могу простить ротному командиру, что он ему это позволил. Это был мой любимый солдат. Ужасно сильный. Молодой. Умный. Отчаянный. Когда меня посылали на, казалось, опасные отдельные поручения, он говорил: «А меня, Ваше благородие». Мы часто, идя в строю, улыбались друг другу. Он был пойман на месте преступления, когда подошел к мирному жителю, снял с того часы и совершенно спокойно положил к себе в карман. Как только он вылез из нашей выемки, австрийцы всадили в него несколько пуль. На следующий день, когда мы пришли на это место, здесь лежало рядом пять убитых австрийцев, (у них не оказалось никакого окопа), а перед ними он. Мы его здесь же похоронили. Если бы мы, вместо разговоров, бросились в штыки, то и мой Хвост (фамилия солдата) был бы цел и австрийцев бы мы взяли, но я сробел вылезти из выемки и подбежать к ним вплотную. Мелькнула у меня мысль об этом, но помню, как сробел. После этого опять попробовали вернуться к своим: на этот раз не стреляли, и мы вошли в деревню. В деревне (или вернее в этом уголке деревни) мы наткнулись на совершенно бесформенную кучу солдат и офицеров человек в двести из всех рот. Оказавшийся здесь подполковник принял командование над этой кучкой и отправил пожелавшего (меня) устанавливать связь с остальным полком. Я взял двух солдат (Хвост непременно пошел бы со мной) и стал пробираться в совершенной темноте по деревне в ту сторону, где слышался шум. Подхожу ближе и слышу возгласы: «Was für eine Kompanie, was für eine Kompanie»²⁷ - это они, точно так же как и мы, совершенно перепутались и, заняв деревню, разбирались и разыскивали свои роты («компании»). Я скорее отскочил, сделал большой обход и снова пошел на шум. Идя один так по темной деревне (в непосредственном соседстве с «ними»), я подумал: «Не прекратить ли войну и не сдаться ли в плен: такого случая может не представиться. Солдат всегда можно было

---

²⁷ Пер. с нем.: Что это за рота?

бы отправить под каким-нибудь предлогом». Нет, не захотел – за эту минуту я предъявлю счет, когда вернусь, нашему черносотенному правительству. Я остался гражданином, и я потребую прав гражданина. Я снова вышел на шум и опять услышал «Was für eine Kompanie, was für eine Kompanie», решил вернуться к своим. Еле нашел то место, откуда уходил, но там никого не оказалось – ушли, не дождавшись меня. Я остался один ночью в деревне, занятой австрийцами, и не знал даже, в которую сторону двинуться. К счастью, идя на удачу, я наткнулся на казачий разъезд – последних русских, уходящих из деревни, и с ними догнал полк, который остановился в поле в верстах 2-3 от деревни. Разобрались по ротам, заставили денщиков вскипятить чай и легли спать. Было ужасно холодно и сыро. Я всю ночь чувствовал под собой холодную землю, хотя и лежал в спальном мешке. Подпоручик моей роты, оставшийся где-то позади меня, был ранен в ключицу, в голову и в ногу и остался в деревне у австрийцев. Его-то спальным мешком я и немедленно завладел и радовался, что завладел. Но не только заснуть, а согреться не удалось – чуть стало светать, австрийцы открыли стрельбу по нашему сторожевому охранению. Пришлось вылезти из спального мешка. Когда выяснилось, что это только по сторожевому охранению, а в атаку они еще не идут, опять залез в мешок, но пролежал там опять совсем мало. Еще не вошло солнце, а наша артиллерия начала стрелять, нас оставили в прикрытие к ней, а полк пошел в наступление против той же деревни. Их артиллерия немедленно стала отвечать. Снаряды стали рваться около нас. Мы отошли – снаряды за нами; мы еще отошли – опять догоняют нас и рвутся совсем близко сзади и спереди. Мы все отходим в сторону, а они, как-будто видят, - за нами. Убило нескольких человек. Весь штаб полка с командиром сразу был ранен одной шрапнелью. Мне в бок что-то сильно ударило от разорвавшегося близко снаряда. Я думал, что кончено, пощупал – нет, даже шинель цела, не осколок стали, а комок земли. Очень сильные впечатления производит шрапнель. Пули так скромненько, быстренько, коротко: «зью, зью», а шрапнель летит и свистит или воеет протяжно, и слышно, как приближается и вдруг разорвется с выстрелом. Немного похоже на ракету, а удар такой, как камень о камень, если ударить, но только ужасно громко. Летали, летали они около нас, мы все не могли вырваться из-под них. Но вдруг они сделали шаг побольше и стали рваться шагов за 50 впереди нас, тогда, наконец, мы вздохнули, остались на месте, а разрывы пошли дальше, все удаляясь. Ты ведь знаешь, что из пушек очень трудно видеть, куда стреляешь, и поэтому немцы выдумали обстрел площадями: обстрел мест, особенно удобных для прикртия, где можно предполагать людей, не заботясь о том, есть ли там люди на самом деле. Мы там как раз и были, спрятавшись в лощинке за леском, – эту лощину они и обстреляли. Но нам не дали долго отдыхать – выслали в цепи подкрепить бегущих впереди нас. Скоро мы слились с ними. Пришлось бежать большим полем редкими перебежками. От одной перебежки до другой лежишь и слушаешь, как летают около пули, беспорядочную оружейную трескотню, покрываемую время от времени пушечными выстрелами. Да пулеметы трещат то здесь, то там почти без перерыва –

знаешь, как когда дети ведут палкой по забору, – лежишь и слушаешь: смотреть нельзя – лицо на самой земле. Сухо, тепло – солнце встало и стало греть. Я два дня не ел и почти не спал, и вот в одну из перебежек я добрался до разбросанной соломы, должно быть, в прежнее сражение на ней лежал раненый или убитый, потому что из одного места несло ужасно трупным запахом. Так вот я добрался до этой соломы и под всю эту музыку задремал. Боролся со сном, потому что все время должен был следить за ротным и батальонными командирами, не дадут ли они знак бежать дальше, и не мог удержаться и только очухивался, когда наши орудия, стоявшие позади нас, ахнут одно за другим восемь раз. Пули впиваются в землю около или летят через, пулеметы трещат, а я не то чтобы сплю, а как-то наяву сны вижу, забываюсь, мысли уносятся, а глаза закрываются. Когда пробежались с полдороги, увидели что австрийцы запрягли 6 своих пушек и увозят. Им приходилось вскарабкиваться на холмик, было их видно отлично, и мы открыли по ним стрельбу изо всех сил залпами и часто, но ничего не могли сделать. Только одна из пушек немножко замедлилась: должно быть выпрягли и заменили подстреленную лошадь. На следующий день мы нашли одну из этих пушек за холмом увязшей в болоте. После этого наша рота ужасно перепуталась с другими. Ротный командир скомандовал роте собраться влево, и сам сразу убежал туда. Большая часть солдат не слышала его команды – я стал кричать, лежа в канаве, – передавать эту команду. Но солдаты не двигались. Одни были далеко – не слышали и меня, другие боялись подняться и идти влево под выстрелами вдоль фронта. Тут один противный прапорщик сказал: «Что Вы, Александр Иоакимович, их не соберете», - крича из канавы. «Да, верно», - сказал я. Встал и пошел, немного согнувшись, но видный австрийцам под их уже не далекими выстрелами, сначала на самый край фронта, потом назад, останавливаясь чуть не у каждого солдата, вытаскивая их из чужих рядов, где они старались от меня спрятаться между солдатами других рот. В надежде, что я их не узнаю, они все притворялись, что не слышат меня, что мои крики относятся не к ним, и сидели, не оборачиваясь на меня, в своих канавах и ямках, пока я не подходил и не спрашивал каждого в отдельности: «Почему ты не бежишь, вот мерзавец, сукин сын!». Таким образом, я их собрал влево. То же самое приходилось проделывать каждый раз, когда надо было перебежать ближе к неприятелю – приглашать сделать перебежку почти каждого в отдельности, до тех пор, пока сами австрийцы мне не помогли. Они вдруг начали стрелять по нам не только из ружей, но и из пушек, и первые выстрелы легли совсем не далеко позади нас. Ротный командир и другой младший офицер спрятались в канавы и ямы. А я воспользовался тем, что разрывы были сзади нас, закричал солдатам, чтобы они передвинулись скорей вперед, а то шрапнель их достанет. Они передвинулись за мной, а австрийцы в это время послали несколько снарядов опять непосредственно за нами. Тогда я стал кричать, чтобы солдаты убежали скорей вперед, а то шрапнель нас догонит. И правда, австрийцы не рассчитывали, что мы не останавливаясь будем убежать от их шрапнели прямо на них, стреляли много раз и все не могли нас догнать; а мы, я с уже немногими солдатами (их уже не надо было

упрашивать, когда они увидели, что австрийцы за нами гонятся), подгоняемые сзади, долупил в одну минуту до их окопов. Они, увидя таких героев, не выдержали: повывлезали из своих закрытий и пустились убежать. Некоторые оставались. Первый, на которого я набежал, сложил руки умоляюще и лепетал: «Das ist mein Bruder»²⁸, - указывая на лежащего около него тяжело раненного. Я его приласкал на ходу, похлопал его по плечу, сказал: «Sei ganz ruhig»²⁹, – и побежал дальше. Дальше вставали из окопов, откидывали ружья и ждали, некоторые из них, поглупее, верили своим офицерам (как и наши про них), что мы убиваем и мучаем пленных. Я им всем ласково улыбался, посылал их с солдатами назад и бежал дальше. Прибежал в деревню за много времени раньше всех остальных с нашей стороны и наравне с нашими, наступавшими с другой стороны, а австрийцы убегали в это время с противоположного краю. Я решил бежать им наперерез, но солдаты, добежав до деревни, по своему обыкновению, забыв все, начали разбегаться по хатам, пить молоко, воду, рвать яблоки и т.д. Большого труда и крика мне стоило заставить их выбежать опять из деревни, одного я чуть не убил – уже хотел стрелять. Выбежали. Догоняют. Они бегут и прячутся за теми самыми копнами гороха, за которыми я лежал вчера. Я бегу из последних сил им наперерез и стреляю по ним из браунинга. Забрали последних и остановились.

30 Сент. Понемногу стали подбираться оставшиеся сзади. Стали считать раны, товарищей считать³⁰. Считать пленных. Офицеры больше были заняты захваченными пушками. Кто первый к ним подбежал (кто захватит пушку) – тому георгиевский крест. На самом деле заслуга взятия пушек была за нашей артиллерией. Призывали меня в свидетели, и я, как пришедший к ним вторым после всех моих преследований и ловли пленных, отдал свое показание одному, и он получает теперь георгиевский крест. Около пушек была навалена прислуга, убитые и раненные нашей шрапнелью. Ужасный вид у таких ран: расколотые пополам головы, дыры в головы, развороченные, разорванные туловища, оторванные руки и ноги. Около одной пушки лежал солдат с оторванными ногами, я подошел к нему. Он открыл глаза и попросил: «Bitte, rotes Kreuz schicken Sie mir»³¹. Я нагнулся к нему погладил его рукой по щеке. «Ich werde schicken, aber ich weiss nicht wann es wird kommen»³². Он снял шинель и показал мне свои ноги. Одна была оторвана близко к колену начисто, другая ниже и болталась на мясе. Оторванные концы были похожи на мясо, которое выходит из котлеточной машинки – такими же мелкими лохмотьями. Я взял у солдат два полотенца и потуже

---

²⁸ Пер. с нем.: Это мой брат.

²⁹ Пер. с нем.: Успокойтесь!

³⁰ Непрямая цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»: «Тогда считать мы стали раны, // Товарищей считать».

³¹ Пер. с нем.: Пожалуйста, пошлите за Красным крестом.

³² Пер. с нем.: Я пошлю, но я не знаю, когда они приедут.

перевязал две ноги, но должно быть совершенно напрасно, потому что кровь уже не текла из них. Он лежал в яме на скрючившемся под ним трупе товарища, мы подстелили ему шинель и переложили на землю. Наверное, он умер, я ему так и не послал Красного Креста – не успел.

Стемнело. Только что хотел отдохнуть – послали в сторожевое охранение. Всегда так выходило, что после самых трудных переходов и дел сторожевое охранение выпадало на долю нашего батальона. В темноте расставил посты по полю, усеянному трупами. Солдатам было страшно оставаться наедине с трупами – выбирал места подальше и ставил кучками. Потом спокойно через всё поле возвращался один к главному посту. Здесь, на том же поле с горохом, велел заложить себя со всех сторон этим горохом и пробовал спать, но проклятый горох был такой сухой и торчащий, что пропускал ветер, сколько его не навали, – было ужасно холодно и сыро, и спал очень мало. Утром пошел осматривать поле. Разыскивал и ласково разговаривал с ранеными австрийцами. Наши раненые были подобраны с вечера, а австрийцы пролежали на поле всю ночь (а ночь была очень холодная) и почти весь день, потому что их ездила подбирать одна подвода, а их было много и разбросаны они были на пространстве верст 4-х квадратных. Наутро полк выступил дальше, а на нашу 13-ую роту возложили два поручения: 1) отвезти отбитые пушки в Россию и 2) убрать и похоронить мертвых. Последним должен был заняться я. И я весь день пробродил по полю. Сгонял окрестных жителей рыть могилы, кричал, ругался, грозился подпалить их хаты, если они не придут. Они работали ужасно медленно и разбегались, чтобы грабить убитых и уносить валяющиеся всюду разные вещи по домам, как только я уходил в другое место. Австрийцев хоронил там, где они лежали, неглубоко – поодиночку или по нескольку, когда лежали кучками. Для наших вырыл братскую могилу – квадратную яму саженой две глубиной. Туда надо было сложить мертвых по указаниям священника. Я попробовал их туда спускать на холстине палатки, но это было ужасно долго, а надо было спешить – приближалась ночь, и я должен был все кончить в один день. Пришлось подносить мертвых к краю ямы и сбрасывать туда. Был ужасный вид. Я все время ревел. Они валялись так тяжело и тряслись и раскачивались при этом, как трясутся мясные туши у мясников. Там внизу никто не хотел принимать их и укладывать, полез было сам, но тогда согласился один солдат. Укладывали их рядами, но так, чтобы не закрывать лица, так что все были видны и как будто стояли рядами как в строю. И сбоку офицеры. Одного солдата наши похоронили так: чистое полотенце было расстелено на груди, на нем образ, а руки и открытые глаза были обращены к небу. Закрыли их полотнищами палаток и зарыли. Батюшка отслужил панихиду. Конечно, я богу не молился, но в первый раз в жизни почувствовал, что панихида не была лишней. Здесь мы похоронили 33 человека. В другом месте 8. Во многих местах зарыли раньше, еще накануне товарищи своих товарищей.

19 ноября [1914 г., Петроград – Галиция]

Милый папа! У нас в гимназии была ревизия. Приехал сам товарищ министра Шевяков³³. У нас в классе сидел на двух уроках по геометрии. Учитель так боялся, что объяснял что-то долго, запутанно. Никто ничего не понял. На латинском г. Бертольди³⁴, который приехал вместе с Шевяковым, ужасно подсказывал. Шевяков остался доволен. Особенно ему понравилось, что его все боятся. Мама еще точно не знает, дал ли он права гимназии, но если не дал, то теперь уже известно, что даст скоро. Историк Александр Юрьевич ужасно волновался. Это не удивительно. Ведь он лет на пять старше восьмиклассников. Но ему подвезло – на его уроках Шевяков не был. В шестом классе на латыни учитель задал урок и от волнения совсем сбился с толку: спросил то, что только что задал. Ученик смутился.

Биржовка³⁵ рядом с победой сербов печатает, что они отступили. Вообще, сербам туго приходится. Все газеты печатают, что Италия и Румыния на нашей стороне. Биржовка писала, что ей из самых верных источников известно, что Румыния через две недели объявит войну Австро-Венгрии, что ей только надо мобилизоваться. Болгарские четы врываются в Сербию и в Грецию.

На Зелениной³⁶ уже провели рельсы для трамвая. Столбы поставлены, кое-где даже уже проволока натянута. Ужасно почему-то торопятся проводить трамвай.

Сережа.

22 декабря [1914 г., Петроград – Галиция]

Милый папа, я читаю «Войну и мир». Сперва очень увлекся, потом вдруг стало неинтересно. И не из-за того, что до скучного места дошел, а как-то вдруг не из-за чего. Теперь опять стало очень интересно. Сегодня я зачитался, а Толстой так хорошо пишет, что так живо себе представляешь, что мне показалось, что на странице, которую я читаю, картинка. Потом перевернул страницу и подумал «а вот на этой странице картинки нет», и тут только опомнился. На Рождество мы едем с Григорьевыми в Званку³⁷. Там никого нет – все уехали на весь праздник к дяде Сереже в Выборг.

---

³³ Не удалось установить.

³⁴ Не удалось установить.

³⁵ Биржовка – газета «Биржевые ведомости», издававшаяся в Петербурге в 1880-1917 гг.

³⁶ Большая Зеленина улица.

³⁷ Ныне город Волхов в Ленинградской области.

Теперь я стал посылать тебе газеты, совсем ничего не обрезаю. Обрезаю только, если можно, объявления. Сегодня посылаю тебе посылку. Сегодня мама сняла на весь день телефонную трубку и отдыхает от непрерывных звонков.

Сереза.

[Приписка Елизаветы Ивановны Васильевой]

Я приняла еще одну меру, чтоб отдохнуть – два дня подряд ложилась спать с детьми, причем старших укладывала пораньше. Прошлого дня мы лежали все до одиннадцати. Вчера до четверти одиннадцатого. Думаю продолжать так все праздники. И без телефона недостаточно спокойно, чтобы написать подробно о денежных делах. Доря написала тебе. Я думаю, тебе понравилась [...] с Гадалиным³⁸. Раньше, чем ее выдумать и решиться на нее, я порядочно поломала голову. Он заплатил р[убль] за три месяца до 15 марта, а неустойчивую [...] на столько же. Но я выдала расписку, в которой обязуюсь [...].

24 октября [1915 г., Одесса – Петроград³⁹]

Милая тетя Доря!

Я мало тебе пишу оттого, что мне здесь не нравится. Скучно. Из развлечений можно только гулять по Самопомощи⁴⁰, да по окрестным дорогам мимо вилл богатых одесситов, окруженных садами из акаций и отгороженных от дороги высокими каменными стенами, да и это не всегда можно. Когда норд-ост дует или дождь идет или туман, я должен сидеть дома. На море теперь ходить не стоит. Там почти всегда ветрено или туман стоит. Даже в кинематограф сходить, не говоря уже о театре, целая история. Надо ехать в город. А чтобы ехать в город, нужно ждать на станции трамвая минут 20 (они теперь ходят по зимнему расписанию очень редко), а если, пока ждешь, дует ветер, можно успеть схватить кашель. Поэтому мы обыкновенно не стоим и ждем, а идем на следующую станцию, а в это время можно пропустить трамвай и приходится опять ждать и на следующей станции или идти еще дальше. Кроме того, что съездить в город целая история, туда ездить и там быть для моего плеврита вовсе не полезно, а скорее даже вредно. Из-за этих причин мы ужасно редко ездим в город, а только в

---

³⁸ Не удалось установить.

³⁹ На конверте: Петроградъ
Петроградская сторона
Гатчинская ул. Д. №35 кв. 6
Ее Высокородию Дарье Ивановне Васильевой.

⁴⁰ Самопомощь – посёлок под Одессой.

городе интересно и можно получить хоть какие-нибудь впечатления. Так что, когда мы поедem в город, для меня и, по-видимому, для Ивана целый праздник.

Стал учиться охотно, верно от скуки. Читаю тоже много. Сперва читал книжки, что у папы были раньше куплены: 1) «Мартин Иден» Джека Лондона, роман. Очень понравилось. Потом два рассказа Брет Гарта⁴¹, потом рассказы Анатоля Франса⁴². Потом уговорил папу купить мне специально какую-нибудь книгу. Купил Короленко «Без языка». Очень понравилось. Проглотил дня в три. Попросил купить книгу о войне. Папа купил «Чего ждет Россия» о войне сборник статей Милюкова, Шингарева и др⁴³. Эту книгу читаю и сейчас. Нехорошо, что она устарела (статьи написаны еще зимой). Потом она написана для взрослых. Из-за этого трудно: не понимаю многих слов и выражений, но все-таки читаю с огромным интересом.

Я тебе, тетя Доря, написал как-то открытку, но все в ней было так мрачно, что тебе не было бы приятно ее получить. Мама сказала, что не стоит посылать. Я с ней согласился.

Милая тетя Доря! Не думай, что мне здесь вообще худо. Мне вообще приятно и хорошо жить.

Серёжа.

8 ноября 1915 г. [Одесса – Петроград]

Милая Нина, что ты читаешь? Я теперь много читаю, так же как ты (не смейся). Я хотел с тобой посоветоваться насчет моего чтения. Напиши, что, по-твоему, было бы для меня интересно. Нина, от чего тебе скучно в Петербурге, я этого никак не могу понять? Напиши мне тогда, я, должно быть, пойму тебя. Неужели ты не развеселиваешься, когда ты в гостях у Григорьевых, у Лили или у Верочки⁴⁴? Отчего тебе скучно в школе, ведь ты же можешь найти себе подругу, с которой тебе интересно. И тебе же интересно говорить с Лилей. Напиши мне, Нина, правда. Разве тебе весело оставаться все время в себе самой? И скучно разговаривать с подружками и со мной. Напиши, давай переписываться, но только так, если у тебя есть охота к откровенности и вообще охота писать письмо, тогда пиши, а без охоты – не пиши хоть 3 месяца, не скучай обязанностью отвечать мне. Мне скучно просто, оттого что нет товарищей и нет

---

⁴¹ Брет Гарт – американский прозаик (1836-1902).

⁴² Анатоль Франс – французский писатель и литературный критик (1844-1924).

⁴³ Сборник статей «Чего ждет Россия от войны» об участии и перспективах России в Первой мировой войне, изданный в Петрограде в 1915г.

⁴⁴ Не удалось установить.

впечатлений, так что ясно, отчего скучно. Если тебе не скучно без друзей, то здесь в Одессе тебе, должно быть, будет хорошо, а впечатления здесь у тебя будут, ты, не то что я, можешь, будешь делать большие прогулки. Нина, ты любишь читать романы, в которых подробно описываются чувства влюбленных, или терпеть не можешь? Я долго не могу терпеть, потом прочел один «Мартин Иден» Дж. Лондона, и показалось интересно (подумал, что заинтересовался), но теперь не могу одолеть страницы, на которой описываются эти чувства. Нравится тебе Дж. Лондон, не кажется ли тебе, что он все описывает слишком ясно и выразительно, местами даже грубовато выразительно. Тебе это нравится или нет? Ты читаешь газеты? Интересуешься политикой? Если бы я не интересовался политикой, и газеты казались бы мне не интересными, я бы совершенно пропал, умер бы от скуки. Если ты интересуешься войной и политикой, то напиши что ты думаешь, должен ждать вообще весь мир и Россия в частности от войны, и отчего, по-твоему, началась война. Нина, пожалуйста, не думай, что, когда я узнал, что тебе не интересно с подругами, я подумал, что тебе, может быть, будет интересно со мной, их заменить я не могу и не пытаюсь. Я просто думаю, что тебе это только кажется, что тебе с ними не интересно, и я думаю, что тебе интересно говорить с ними и, должно быть [...], но все же интересно говорить и со мной, ну так давай переписываться. Напиши, не было бы тебе интересно задавать мне так же просто, как я задаю тебе в этом письме вопросы и получать на них ответы, и самой писать ответы на мои. Я переписывался с Диком⁴⁵, все-то переписываюсь, хотя и довольно вяло, и теперь я хочу превратить эту переписку в обмен вопросами и ответами (мнениями) по интересующим нас обоих вопросам, но никак не могу это сделать, не решаюсь начать и пишу ему, как и он мне, разные пустяки и боюсь, что из-за того, что мы обмениваемся пустяками, а не мнениями по интересующим нас вопросам, переписка оборвется. С тобой я могу сразу начать с обмена мнениями, поэтому я решил начать переписываться с тобой, а не с кем-либо из товарищей. Говорить мне здесь не с кем (я разумею людей приблизительно одного возраста, так что папа и мама не могут идти в счет). Остается одно – переписка. Надеюсь, что с тобой она у меня завяжется, с Диком, может быть, тоже удастся бросить болтать о пустом, а если с двумя людьми удастся хоть не прямо говорить про интересное для обоих, то хоть переписываться с ними мне не будет так скучно.

Прощай, Миленька

Сережа

P.S. Мама уговорила меня послать (писать не уговаривала) тебе это письмо, я с ней согласился, но мы думаем, что тебе все-таки весело – так много у тебя людей, с которыми тебе интересно разговаривать, что ты не ответишь. Не думай, что я обижусь, и не посылай ответа, если тебе покажется неинтересным переписываться, и не

---

⁴⁵ Не удалось установить.

обижайся сама на то, что мы думаем, что ты не ответишь. Если ты не ответишь, в этом не будет ничего худого. Переписку я завязал, оттого что мне скучно и не с кем разговаривать, а тебе, подумал я, может быть, будет небезынтересно со мной поговорить.

4 марта 1916 г. [Одесса – Петроград]

Милая тетя Доря. Вчера мы были в Дачном. Смотрели дачи, но окончательно не решили, где будем жить летом. Выехали утром. Ехали около получаса. Когда приехали, спросили в лавочке, где дача Сохацкого⁴⁶, которую нам рекомендовал Нудельман⁴⁷, и пошли к ней прямо через степь. Показывала нам дачу дворничиха. Муж ее на войне. У ней четверо маленьких детей, которые все были в этот день на дворе, потому что день выдался отличный - солнечный и без ветра, прямо, как в мае, а они насиделись дома за зиму. Дача эта небольшая. Жить можно в трех комнатах, которые немного выше уровня земли. Под этими комнатами помещаются еще две комнаты, кухня с отдельным ходом и ванная. Пол этих помещений гораздо ниже уровня земли. Дача старая и порядочно-таки запущенная. Есть терраса порядочной величины, совсем закрытая, которую можно считать почти за комнату. Обращена она на юго-восток, так что солнце в ней будет утром, а вечером не будет. Это, конечно, хорошо, потому что летом будет здесь так жарко, что совсем нельзя будет сидеть на солнце. Положим, что солнца в ней и утром будет не очень много. Потому что она совсем завита виноградом. Дача, хотя и старая, но, по всей вероятности, сухая, потому что построена она в очень сухой местности, что видно, хотя бы, по колодцу, который здесь такой глубокий, что глубже него я не видел ни одного колодца. Потом, конечно, будет суше и из-за нижних комнат, которые можно будет много проветривать. Вода в колодцах здесь невкусная, солоноватая. Но при каждой даче есть цистерна для собирания дождевой воды, которую и можно пить. Почти во всех дачах в Дачном недавно (перед нашим Буковинским наступлением⁴⁸) стояли солдаты, которые страшно все запаковали. Дворы и частью даже сады, где стояли ихние лошади, завалены навозом. В домах тоже многое испорчено и запачкано. Особенно нам жаловалась на солдат хозяйка одной дачи. Видно, что у ней все было в образцовом порядке, а после того, как в доме жили солдаты, а в саду – лошади, весь порядок и чистота пошли насмарку. Она говорит, что прямо разорена солдатами и усиленными налогами. Во всех дачах говорят, что все вычистят и поправят, но рабочих теперь мало и они дороги, так что не знаем, как это всем им удастся исполнить. Поездов ходит в Дачное довольно мало, и на лето прибавят только два: один в город и

---

⁴⁶ Не удалось установить.

⁴⁷ Не удалось установить.

⁴⁸ Имеются в виду боевые действия в районе области Буковина, которая в 1916 году была территорией Австро-Венгрии, ныне составляет территории современных Украины и Румынии.

один из города. Сад при даче Сохацкого фруктовый. Нудельман нам говорил, что разных фруктов (черешни разных сортов, яблоки, груши, смородина, крыжовник) родится очень много, так что фрукты есть почти все время: одни кончаются, а другие поспевают. В саду есть небольшой виноградник, можно развести огород, вырастает всё здесь, я думаю, отлично, не то, что у нас (т.е. у вас) на севере. Дача Сохацкого – это единственная, в которой фруктовый сад в полном нашем распоряжении. Ты, кажется, это любишь. Сад густой и летом будет тенистый. Но сырости и тут не будет. Уж очень сухой здесь климат. Вокруг степь. С одной стороны дорога, которая летом должна быть пыльной. Очень хорошо на этой даче то, что на ней мы будем жить одни, без хозяев и других дачников. Других дач, особняков тут, кажется, нет, и везде рядом живут хозяева, которые будут смотреть, как бы мы не попользовались от их фруктового сада. Мы спрашивали у дворничихи, не страшно ли было ей зимой жить совсем одной. Она говорит, что ничего. У ней собаки и шестизарядный револьвер. Ночью, когда собаки очень сильно залают, она иногда выходит на двор и стреляет в воздух для устрашения лихих людей. Собак в Дачном, по-видимому, много, но это не такие бесполезные пустолаи, как в Самопомощи, а настоящие дворовые псы, которых держат не для удовольствия, а по необходимости.

Насчет дачи Сохацкого, нас беспокоит только то, вычистят ли тут всю грязь, оставленную солдатами, и в порядке ли здесь цистерна. Здесь всё так запущено, что нельзя быть уверенным, что она в порядке. Дворничиха, положим, утешает, говорит, что всё будет хорошо. Потом еще минус этой дачи тот, что мы будем далеко от папы. Он сможет приезжать к нам только по праздникам, а может быть, и совсем не сможет приезжать. Но Ивану нужен степной воздух. Так что ничего не поделаешь, если там всё будет хорошо устроено, должно быть, решим жить в Дачном.

Еще мы решили посмотреть дачи на Хаджибеевском лимане⁴⁹. Там тоже степь, но сообщение с городом гораздо удобнее. Трамвай ходит туда, хотя и редко, но все же его нельзя сравнить с поездом.

Погода, когда мы были в Дачном, как я уже сказал, была отличная. Мы много гуляли, было очень хорошо. Назад приехали около 8 часов.

Папу всё ещё не засаживают ни за какую работу. Он всё ещё весь день с нами. Когда возвращались из Дачного, видели поезд с пленными австрийцами солдатами и офицерами. Говорили, что среди офицеров было два генерала.

Сегодня получили письмо от Нины со стихотворениями. Стихотворения читала, как Нина велела, только мама. Вчера получили газету.

Сережа

---

⁴⁹ Лиман, расположенный в 6 км от Одессы.

24 июля 1917 г. [Прибалтика – Петроград]

Дорогая Ниночка!

Получил твое письмо на пяти листочках. Обрадовался, думал, что моё письмо не застанет тебя в Петербурге. Пишешь: «Я не оскорбляюсь уже давно». Подразумевается: «хоть и есть за что, но надоело». Я так и знал. Ну да ничего, спасибо, что ответила.

Конечно, Саша⁵⁰ называет себя большевиком только для парадокса. Большевики теперь всё больше и больше «разъясняются». Реалистами их, правда, можно назвать за то, что они умело оперлись на стихийные силы: ненависть худо одетых к хорошо одетым и боязнь за собственную шкуру. Но на этих силах что-нибудь построить невозможно, поэтому перед большевиками не стоит никаких возможностей. Теперь до очевидности ясно, что левые движения невозможны. Невозможно даже удержаться на такой левой позиции, как мы сейчас стоим. Смешно говорить о социалистическом строе при том всеобщем бессознательном индивидуализме, который проявился теперь. Скорее даже просто эгоизме. У нас мог бы ввести социалистический строй только разве Вильгельм⁵¹, заняв всю Россию прусскими войсками. Может быть, в этом отношении тоже можно большевиков назвать реалистами. Но едва ли Вильгельм захочет его вводить.

Уж очень мало ты написала о себе самой, почему сидишь в Петербурге, что делаешь. Впрочем, виноват, это опять похоже на заботу о тебе.

Анархисты в Вырице меня ничуть не испугали. Наоборот вышло так, что я даже обрадовался несколько. Дело в том, что бабушка получила и переслала мне открытку одного вырицкого буржуя, чтобы мы ему продали дачу, с угрозой, что, если не продадим, то дачу разнесут по кусочкам. Судя по адресу – ближайшему к нашей даче, я предположил, что сам этот буржуй и будет разносить дачу. Одновременно мама передала твое известие об анархистах. Вот я и обрадовался. Теперь буржуй и близко к даче не может подойти – самая лучшая страховка. Боюсь только, что бедненьких анархистов по нынешним временам могут разогнать.

Мамин брат Володя был даже у них в гостях. Он живет в Вырице и зашел на дачу. Его приняли любезно, напоили чаем. Он пришел раньше, так там у них был митинг и были интересные речи.

Пиши, пожалуйста. Я ужасно люблю получать письма. Только не отрывай сразу такую маленькую бумажку. Бери большую, а если останется излишек, всегда можно оторвать.

Серезжа⁵²

---

⁵⁰ Александр Иоакимович, старший брат Сергея.

⁵¹ Вильгельм II – германский император и король Пруссии с 1888 по 1918 гг.

⁵² Сергей Иоакимович Аладжалов, дядя Нины.

Здесь на фронте большинство не признает себя большевиками. Однако наступать не хотят, авось другие за них это сделают. Переделать это настроение при полном отсутствии авторитета у нынешних офицеров – очень трудно, если не невозможно. Я издеваюсь над штабными нашими офицерами, которые говорят, что все случилось из-за приказа №1⁵³, «который разрушил дисциплину». Конечно, дисциплины и раньше не было. В декабрьские бои у нас был такой развал и безобразие, несмотря на успешное начало, что должны были открыть их глаза. Но они все это забыли. Я уверен, что к этому времени, если бы не пришла революция из Петрограда – то случился бы бунт снизу, и это было бы еще в сто раз хуже, так как это был бы действительно бессмысленный и беспощадный бунт, резня, грабеж и т.п. без всякой цели, а только результат накопленной ненависти, зависти и страха. Поэтому я пессимистически смотрю на возможность быстро все исправить. Но, во всяком случае, ничего нельзя исправить только дисциплинарными мерами. Единственная надежда, что у большинства когда-нибудь да раскопается в глубине гражданское чувство.

16 августа 1917 г. [Рига – Одесса]

Дорогая Ниночка!

Неожиданно получил ответ от тебя. Никак не думал, что мое письмо тебя застанет. Это письмо пишу в Одессу, так как ты написала, что «завтра еду».

И я тоже очень люблю получать письма и очень радуюсь приобретению новой корреспондентки (так как, раз любишь получать, то должен любить и писать), а то моя прежняя теперь увлеклась деревенской жизнью и ленится писать.

У тебя очень храбрые намерения сшибать с папы большевизм, только я думаю – это невозможно, какие бы ты ни привела ему доводы. Наши мнения меняются постепенно, эволюционным порядком, а революции в них случаются реже, чем в государствах. Ты думаешь, что большевики пользуются доверием масс? Я думаю, что нет. В этом то и горе, что массы никого еще не «облекли» доверием. Громадное большинство российских граждан, богатых и бедных, образованных и необразованных – есть «отдельные обыватели», (к чему стремился и к чему привел прежний режим), как в наше время начальство нас, студентов, называло «отдельными посетителями». Они знают только свои интересы, верят только себе и работают только для себя. Когда то, что говорят большевики, ему по вкусу – ему верят, когда нет – не верят. На фронте большевики говорят: не надо воевать, не надо слушаться офицеров – им верят. Скажи завтра они же, что надо наступать, нужна дисциплина – немедленно перестанут верить. Как сделать, чтобы обыватели поскорее превратились в граждан, я не знаю. (Я и сам вполне обыватель. Гражданин только в голове). А в этом главная загвоздка. На какой бы

---

⁵³ Приказ, изданный Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 года, по которому отменяется титулование офицеров и грубое обращение на «ты» к низшим чинам.

программе все или большинство ни соединилось бы, все равно, лишь бы соединилось, почувствовало себя целым. В этом смысле большевики ничем не хуже для меня, разве только из-за утопичности своей программы. Что говорят петербургские большевики, я плохо знаю, а вот здешние гадки мне потому – что играют на худых инстинктах, так что успех их пропаганды не может содействовать вышесказанному объединению, напротив, торжествует идея самая необщественная – «своя рубашка ближе к телу». Они здесь настолько гадки (не знаю, попадает ли в Петербург «Окопная правда», «Набат» и тому подобные газеты⁵⁴), что нельзя не подумать, ради чего и для кого они это делают. К таким большевикам папа конечно не принадлежит. Я с папой не согласен в том, что интеллигенции он отводит роль справочной книжки. (Он и мне об этом написал), или я его не совсем хорошо понял. Но, по-моему, «народ» - это все, интеллигенция в том числе. Из «всех» руководителями должны явиться лучшие, умнейшие и, между прочим, и больше знающие. Почему эти последние, которые благодаря знанию имеют возможность шире и вернее смотреть, должны быть исключены – для меня непонятно. У нас в Риге все как будто спокойно. Офицеры, которых последнее время стали производить в мученики, по-прежнему играют в карты, ходят в оперетки, ухаживают и тому подобное. Товарищи, которых последнее время чересчур уж ругают, по-прежнему лежат на животах и грызут семечки. А немцы почему-то не хотят брать Ригу. Последние дни, впрочем, стали ждать их наступления. Эльзасцы, которые перебегают к нам чуть не ежедневно, говорят, что собирается много войск у нашего милого Нейгута⁵⁵. Летчики говорят то же, пленные то же. Начальство волнуется, потому что, хоть они и доносят, что части пришли в порядок, дисциплина восстановлена и тому подобное, но очень боятся, как бы товарищи не стали так же улепетывать, как на юге. С грустью я читаю известия о Московском совещании⁵⁶. Сколько серьезных людей говорят такие наивные вещи. Я говорю о мерах к восстановлению дисциплины и боеспособности армии. По их словам, очень просто: была дисциплина, пришел приказ №1 и разрушил дисциплину. Теперь надо убрать комитеты и дать права дисциплинарные офицерам – и дисциплина воскреснет. Между тем в действительности дисциплины не было. Было что-то вроде платья короля из сказки Андерсена, а приказ №1 сыграл роль мальчика, после которого все увидели, что там ничего нет. А Гучков, Корнилов и прочие хотят отдать это платье в починку. По-моему, создать теперь через офицеров какую-нибудь дисциплину невысказанно. Солдаты видят и знают, что с ними ничего не могут сделать. Единственная, хоть и

---

⁵⁴ «Окопная правда» и «Набат» – большевистские газеты, выходившие в 1917 г. в Риге и в Пскове соответственно.

⁵⁵ Железнодорожная станция Вецумниеки в Латвии.

⁵⁶ Государственное совещание в Москве – всероссийский политический форум, созданный Временным правительством, проходивший с 12 по 15 августа 1917 г.

слабая надежда – что комитеты создадут зародыши сознательной дисциплины, к которой будут понемножку притягиваться и остальные.

Интересно, какие тебе места представлялись. Если не поленишься отвечать, то опиши твоих одесских. Какие они стали.

Сереза⁵⁷

4 октября 1917 г. [Стригово – Одесса]

Дорогая Долли!

Только не вините Дорю за то, что написала о моей просьбе поселить Шурика. Она писала по моей просьбе еще и потому что видела, в каком я безвыходном положении находилась, и по доброте своей, хотела как-нибудь мне помочь. Обижаться на Вас я не имею никакого права, потому что, если кто и в долгу, так я у Вас. Но об этом не может быть никакого разговора, так как я убеждена, что будь у Вас какая-нибудь возможность, вы бы мне не отказали. Я сижу в Стригово⁵⁸. Хлеба у нас нет. Приходится выпрашивать у крестьян, как подаяние, и платить за кусочки очень дорого. Нельзя ли в Одессе купить черной муки и выслать мне по почте посылкой? Целую Вас и детей.

Маня⁵⁹

10 октября 1917 г. [Стригово – Одесса]

Милая Ниночка!

Не можешь ли оказать мне такую помощь? Закупи для нас хлеб и суши его, а потом присылай нам его по почте. Если можно достать макарон, круп, то их тоже пришли. У нас уже сейчас нет хлеба. Время от времени удается вымолить фунтов 6-7 по 40 копеек фунт. Крупы никакой. Картошка 6 рулей мера, и тоже больше одной меры не дают. Творог и сметана исчезли, а если найдешь, то за фунт творога просят 1р.80к. А еще не так давно покупала по 20к., а потом сразу такой скачок. Одним словом – голод. Надо перебираться в другие места, а я не могу на это решиться, да и не знаю, где дешевле. Решила было в Тамбов, да там теперь очень беспокойно. Дядя Сереза стоит где-то под Венденом⁶⁰. У него была возможность перевестись в Эстляндию. Он хотел это сделать ради того, чтобы и нас туда выписать.

[Маня]

---

⁵⁷ Сергей Иоакимович Аладжалов.

⁵⁸ Стригово – деревня, расположенная недалеко от станции Грибановка (судя по почтовым штампам) по дороге от Бологого на Рыбинск, на которой работал Сергей Иоакимович в 1902-1905 гг. Имение, вероятно, пустовало в 1917-м году, поэтому Мария Иосифовна с детьми поселилась там по знакомству.

⁵⁹ Маня – Мария Иосифовна, жена Сергея Иоакимовича

⁶⁰ Венден - немецкое название города Цесис в Латвии.

11 ноября 1917 г. [Стригово – Одесса]

Милая Ниночка!

Получила твою открытку, а посылки еще ни одной. Поэтому, дорогая, подожди отправлять следующие, пока я не получу первую. Я тебе напишу сейчас же, как получу. Спасибо тебе большое. 6 октября приехал к нам дядя Сережа. 30 уезжает обратно. До свидания. Целую всех.

Маня

Посылай 12фунтовые, если пропадут, не так обидно будет.

Дорогая Ниночка (почерком Сережи) Я из Риги посылаю все ящички без зашивки – это проще, так как ящички в Риге продавались готовые. Верно, и у вас их можно достать.

14 ноября 1917 г. [Стригово – Одесса]

Милая Ниночка!

Ценную посылку с манной и пшенной крупой и засыпкой получила, а первую с мукой нет. Мама думает, что она пропала. Пожалуйста, если сохранила квитанцию, справься о ней на почте. Если будешь еще посылать, то лучше поэтому с ценой. У нас здесь ничего не достать, а если продают, то по Вышневолоцким ценам, а там дошло чуть не до голода. На зиму мы поселились в домике, в котором пока еще живет одна дама, которая, то от нас уезжает, то окончательно остается, что повторялось уже несколько раз. Теперь она собралась в последний раз уезжать, а мы собираемся выждать. Папа уже уехал.

[Маня]

27 ноября 1917 г. [Стригово – Одесса]

Милая Ниночка

Ты спрашиваешь в последней открытке, почему мы тебе ничего не отвечаем. Мы послали тебе две открытки и писали, что посылок не получили. Повестку на посылку без цены мне прислали, но когда я явилась, мне сказали, что такой посылки нет, что она пропала. Очевидно, это была с черной мукой. По этой повестке, обозначенной «Без цены», мне выдали твою ценную на 12 рублей, в которой было: пшено, манная в двух пакетиках, засыпка и леденчики. А куда девалась повестка от этой посылки и сопроводительная бумажка, тоже неизвестно. Одним словом, по теперешним временам нельзя посылать без цены, да и с ценой могут пропасть. А уж мы так ждали муку, так ей радовались. Конечно, и крупа и засыпка нам не менее необходимы, но там был сразу целый пуд!

Сейчас хлеб черный выпрашиваем у богачей по 70 копеек за фунт. Таким образом, небольшой хлеб обходится в 7 рублей. Молока нет, и до января не будет. Питаемся картошкой, изредка кашей без молока и масла. Дети едят с кипяченой водой, а я с

хлебом. Твои посылки нас бы очень поддержали, да очевидно расхищены голодными чиновниками.

Справься на почте, пожалуйста, о первой без цены, если у тебя не потеряна квитанция. Следующая может застряла в дороге, дай-то Бог! А тебе большое, большое спасибо. Сколько хлопот и трудов, жаль, что так вышло.

Живем без прислуги, поэтому свободного времени совсем нет. Вот и сейчас тороплюсь плиту топить, а потом повезу письмо.

Хочу отправить не из Удомли, а с другой станции.

Поклон всем.

Маня

Значит, из всех твоих посылок нами получена одна ценная на 12 рублей с пшеном, двумя пакетиками манной (один для Сони⁶¹), засыпкой и леденцами.

Без даты [ноябрь-декабрь 1917 г., Стригово – Одесса]

Милая Ниночка!

Я тебе писала, что из всех твоих посылок получила только одну, в которой было: пшено 2 пакетика манной (один для Сони) и немного леденчиков. Эти леденчики произвели фурор. Очевидно все остальные пропали. Отсюда вывод – больше не посылать. Но если есть возможность, закупай для нас все съедобное, и пусть у вас хранится. Какая бы грубая крупа или мука ни была, покупай. Придется, может, съездить за всем этим. Ведь мы сейчас едим одну картошку. Ни молока, ни хлеба, ни овощей. Из картошки я делаю пироги, блины, жарю и варю. Но ведь одна картошка, да еще без масла вещь не очень полезная. Заходим в гости к крестьянам и получаем в виде подарка ломтики хлеба, а продавать никто ни за какие деньги не согласится. С осени еще можно было достать муки, но тогда цена 30р. За пуд казалась мне очень высокой, а теперь не купить ни за какие деньги. Да и денег у меня сейчас нет. Дядя Сережа выслал мне 500 рублей. Повестка пришла, а денег не выдают за неимением на почте. И когда будут, не знают. Из сберегательной кассы не выдают по той же причине. Вот и живи, как хочешь. Как вы живете? Как чувствуете, как относитесь к происходящим событиям? Напишите о своей жизни. Нам очень интересно. Мы живем без газет, как отрезанные от всего мира.

Целую всех.

Маня

---

⁶¹ Соня – младшая дочь Сергея Иоакимовича

10 декабря 1917 г. [Стригово – Одесса]

Милая Ниночка!

Получила вторую по моему счету посылку. Она была оценена в 7 рублей и зашита в грубое полотно, клеенку и темный коленкор. В ней оказалась мука... Напиши, голубушка, сколько ты отправила посылок. Мы измышляем, каким образом нам здесь покупать продукты. За деньги ничего не продают. Думаем сделаться фотографами.

[Маня]

31 марта [1918 г., Одесса – Петроград]

Милая тетя Доря, прости что не пишу. У нас весна. Ходим в Аркадию⁶², там много фиалок и других цветов: желтые, лиловые, синие, белые. Солнце. Пасмурных дней нет. Хорошо у нас здесь, но скучновато, хочется в Петербург. Положим, всем теперь туда хочется. Люблю ездить в Одессу, особенно в книжные магазины и за газетами. Купил себе Шиллера, отрывки из Ист[ории] Тридцатилетней войны⁶³. Думаю, что книжка эта не залежится, прочту, ведь тут есть в приложении почти все [...]. Слова, расположенные в порядке текста.

У меня теперь новый товарищ, Игорь Троянов, он совсем не похож на Борю, он разговорчив, говорит интересно. По убеждениям он, пожалуй, кадет. Очень мы рады Нине, она, несмотря на кашель, гуляет много, потом учит отлично Ивана, и за обедом хозяйка, строгая.

Мама пекла вчера куличи, они вышли сверху немного черные, но внутри отличные. Мама много хлопотала у печки и с тестом. Маме гораздо скучнее здесь, чем мне, но теперь нас всех развеселила Нина, она нам вместо папы.

P.S. (2 апр.) Вчера ездил в общеученический союз, записался. Был на заседании просветительной секции, там разбирался вопрос, как устраивать самообразовательн[ые] кружки, затем был на первом заседании одного из таких кружков. Домой пришел пешком. Жалею, что раньше не записался в этот союз, интересно. Сегодня опять пойду на собрание просвет[ительной] секции, а потом на лекцию Велихова⁶⁴. Третьего дня тоже был на лекции одного профессора о Суверенитете Народа, Учредительн[ом] Собрании и системе выборов в него. И понравилось. Теперь не скучновато.

Сережа

---

⁶² Курортный район в Одессе.

⁶³ Исторический труд Ф. Шиллера «История Тридцатилетней войны», законченная в 1791 году.

⁶⁴ Велихов Л.А. – русский публицист и политик, член IV Государственной Думы, участник Февральской революции.

[август-сентябрь, 1918 г., Одесса – Луга]

Милая Наташа⁶⁵, честное слово, ты начинаешь делаться в моем представлении немного отвлекенной, но надеюсь, что ты все-таки будешь мне писать (в знакомых – острый недостаток по-прежнему), ужасно приятно было получить от тебя письмо из Луги – очень хотелось бы будущим летом орудовать там вместе с тобой, хочется расправиться – как? Я подошла бы к компании по твоим воспоминаниям обо мне? Мы все просидели всё лето в Самопомощи. Сережа разлетался по товарищам и вместе с ними кхм...кхм... Ради Бога, только не упоминай о том, что я это написала в своем ответе, ибо всё что ни приходит «оттуда» (т.е. от вас) торжественно сообща читается у нас, и он съест меня чуть-что. Юрик же, напротив, сидит всё дома и с трудом решается выехать в библиотеку, где не осмеливается протестовать, если ему по ошибке выдадут не ту книгу, которую он просил. Читает «Илиаду», «Ад»⁶⁶ Данте, «Калевалу»⁶⁷, вообще величественный эпос. Рисует удивительно выразительно. Ивашка за лето был подготовлен мамой и Сережей на поступление в 4ый класс (на мою долю осталось лишь природоведение (хотя был подготовлен хорошо, но на экзамене сжулил столь ловко, что поразил старых гимназистов). Теперь начал ходить в гимназию и мечтает нашить на курточку светлые пуговицы. Учит мову⁶⁸ и очень доволен учителем [...]. В гимназии со всеми быстро освоился, да и в Самопомощи у него много товарищей, преимущественно демократических слоев населения. Читать любит романы и модернистские стихи, которыми и сам грешен (опять ради всего святого, ни звука об этом в ответе). Эти два – совсем тебе незнакомые люди, как странно мне это. Ты тоже напиши про свою Таньку⁶⁹. Маме и тётке Доре приходится трудно – кормят и обчищают всех. В прошлом году я много помогала по хозяйству (Евгения Валентиновна⁷⁰ с сомнением качает головой, да.), теперь гораздо меньше. Яростно посещаю лекции (мучительно и постыдно разрываюсь между естественной ист[орией] и философией). В конце этого семестра сдам необход[имые] зачеты, а до сих пор нет ни одного (отменили, отменили условный перевод, на котор[ый] я рассчитывала и сижу – сижу), тоже рискую просидеть 2ой год. Таки прокоптила небо зря целый год, я говорила, что мне не надо было сразу в ун[иверсите]т⁷¹; но все-таки рада, что уже попала – в этом году здесь страшное переполнение и варварский конкурс!

---

⁶⁵ Подруга Нины по училищу в Петербурге.

⁶⁶ Имеется в виду «Божественная комедия» Данте Алигьери.

⁶⁷ Карело-финский поэтический эпос.

⁶⁸ Украинский язык.

⁶⁹ Сестра Наташи.

⁷⁰ Не удалось установить.

⁷¹ Имеется в виду Одесский университет.

Папа летом дважды делал выезды в деревню. Устрашенные взлетом цен в июне – июль мы совсем было решили, что не можем жить даже в Одессе, и чуть было не купили хату в деревне, чтоб там пережить это трудное время. Но не решились – слишком большая ломка – а выгоды проблематичны (Папа получил место – решительно остаемся в Одессе). Теперь с новым урожаем цены полегчали (правда, приедем из Питера они кажутся игрушечными) или вернее рост их остановился. Но все-таки сжались ужасно – живем в 2х комнатах [...], потому что будущее во всех отношениях ?

Привет Таньке, привет Евгении Валентиновне, а тебе привет только с условием, что обязательно ответишь.

Нина

Передай привет всем от меня у Муси – 30 сент., если будешь. Письмо написано 3 дня тому назад и за это время мирное предложение немцев (еще не знаем ответа союзников); что оно принесет России. Мы больше всего опасаемся союзнических козней.